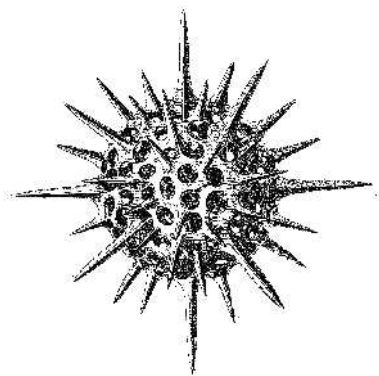

Артур Шопенгауэр. 1788—1860

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

*Афоризмы
житейской
мудрости*

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 1(091)(430)
ББК 87/3(4Гем)
Ш 79

Перевод *Ю. Айхенвальда*
В оформлении книги использованы гравюры из трудов
естествоиспытателей первой половины XIX в.
Разработка серии и оформление обложки — *А. Воробьев*

Шопенгауэр, Артур

Ш 79 Афоризмы житейской мудрости/Артур Шопенгауэр.
— Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с.: ил. — (Вся
мудрость мира).

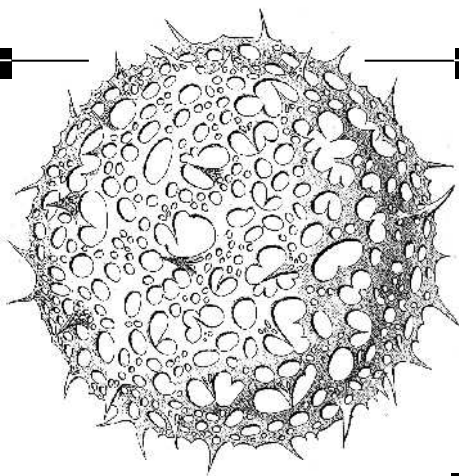
ISBN 978-5-17-101879-5

Немецкий философ Артур Шопенгауэр — мизантроп, один из самых известных мыслителей иррационализма; денди, увлекался мистикой, идеями Востока, философией своего соотечественника и предшественника Иммануила Канта; восхищался древними стоиками и критиковал всех своих современников; называл существующий мир «наихудшим из возможных миров», за что получил прозвище «философа пессимизма».

«Понятие житейской мудрости означает здесь искусство провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее: это будет, следовательно, наставление в счастливом существовании. Возникает вопрос, соответствует ли человеческая жизнь понятию о таком существовании; моя философия, как известно, отвечает на этот вопрос отрицательно, следовательно, приводимые здесь рассуждения основаны до известной степени на компромиссе. Я могу припомнить только одно сочинение, написанное с подобной же целью, как предлагаемые афоризмы, а именно поучительную книгу Кардано "О пользе, какую можно извлечь из несчастий». Впрочем, мудрецы всех времен постоянно говорили одно и то же, а глупцы, всегда составлявшие большинство, постоянно одно и то же делали - как раз противоположное; так будет продолжаться и впредь...»

(А. Шопенгауэр)

УДК 1(091)(430)
ББК 87/3(4Гем)

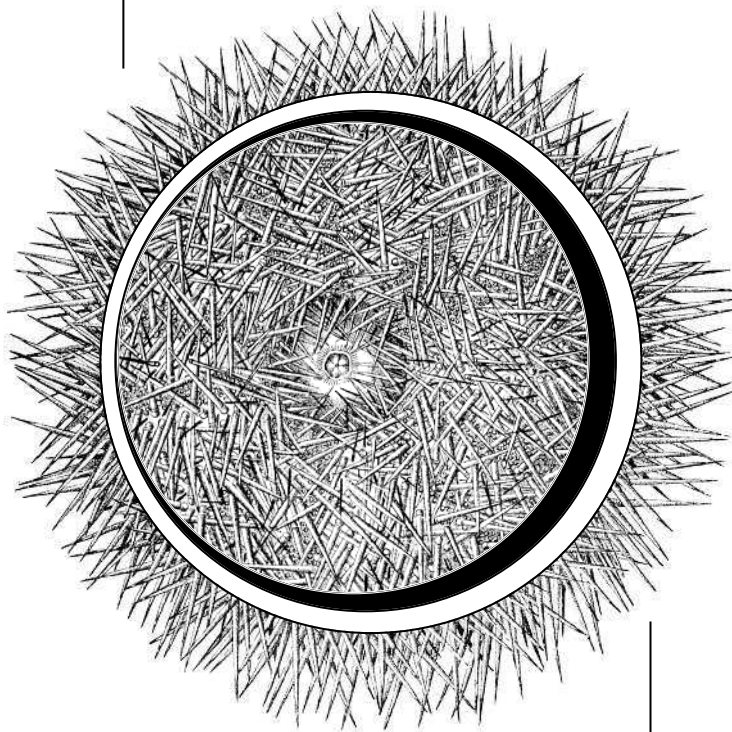
Введение

*П*онятие житейской мудрости имеет здесь вполне имманентное значение – именно в смысле искусства провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее, искусства, руководство к которому можно было бы назвать также эвдемологией: это будет, следовательно, наставление в счастливом существовании. А это последнее опять-таки вполне можно было бы определить как такое существование, которое при чисто объективном рассмотрении или, вернее (так как здесь дело идет о субъективном суждении), при холодном и зрелом размышлении заслуживало бы решительного предпочтения перед небытием. Такое понятие о счастливой жизни показывает, что мы держимся за нее ради нее самой, а не просто из страха перед смертью; отсюда же следует, далее, что мы желали бы, чтобы она длилась вечно. Возникает вопрос,

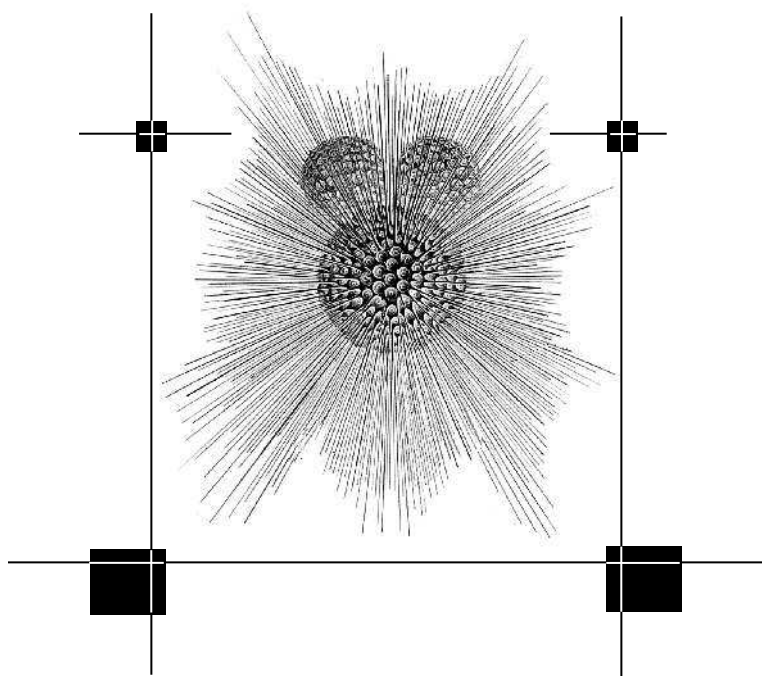
соответствует ли человеческая жизнь понятию о таком существовании, да и вообще, может ли она ему соответствовать; моя философия, как известно, отвечает на этот вопрос отрицательно, тогда как эвдемонология предпологает положительный ответ на него. Все, следовательно, приводимые здесь рассуждения основаны до известной степени на компромиссе – именно поскольку в них удержана обычная, эмпирическая точка зрения и сохранено ее коренное заблуждение. Таким образом, и ценность этого трактата может быть лишь условной, так как само слово «эвдемонология» представляет собою не более как эвфемизм. Он нисколько не притязает также и на полноту: с одной стороны, сама тема неисчерпаема, а с другой – в противном случае мне пришлось бы повторять уже сказанное другими.

Я могу припомнить только одно сочинение, написанное с подобной же целью, как предлагаемые афоризмы, а именно – весьма поучительную книгу Кардано «О пользе, какую можно извлечь из несчастий», которой и можно пополнить то, что дано мною. Правда, и Аристотель вставил краткую эвдемологию в 5-ю главу первой книги своей «Риторики»; она вышла у него, однако, очень пресной. Я не воспользовался трудами своих предшественников, так как компилирование – не моя специальность, тем более что при нем утрачивается единство точки зрения, это главное условие для подобного рода произведений. В общем, конечно, мудрецы всех времен постоянно говорили одно и то же, а глупцы, всегда составлявшие огромнейшее большинство, постоянно одно и то же делали – как раз противоположное; так будет продолжаться и впредь. Вот почему Вольтер говорит: «Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его».

Глава первая

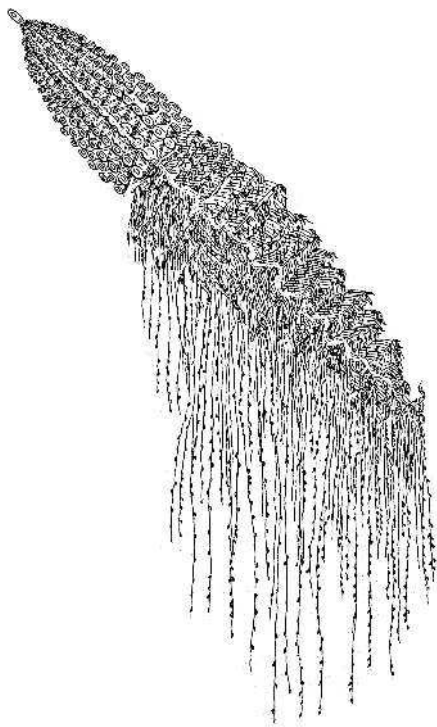
Основное деление

Аристотель (*Никомахова этика, I, 8*) разделил блага человеческой жизни на три группы: блага внешние, духовные и телесные. Сохраняя лишь тройное деление, я утверждаю, что все, чем обуславливается различие в судьбе людей, может быть сведено к трем основным категориям.

- 1) Что такое человек — т. е. личность его в самом широком смысле слова. Сюда следует отнести здоровье, силу, красоту, темперамент, нравственность, ум и степень его развития.

- 2) Что человек имеет — т. е. имущество, находящееся в его собственности или владении.
- 3) Что представляет собою человек — этими словами подразумевается то, каким человек является в представлении других: как они его себе представляют — словом это — мнение остальных о нем, мнение, выражающееся вовне в его почете, положении и славе.

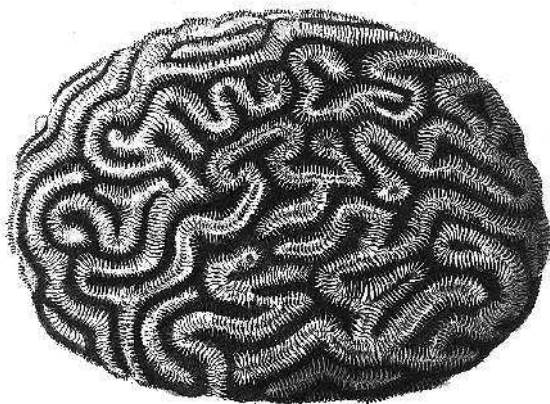

Перечисленные в первой рубрике элементы вложены в человека самой природой; из этого уже можно заключить, что влияние их на его счастье или несчастье значительно сильнее и глубже того, какое оказывается факторами двух других категорий, создающимися силами людей. По сравнению с истинными личными достоинствами — обширным умом или великим сердцем — все преимущества, доставляемые положением, рождением, хотя бы царственным, богатством и т. п. оказываются тем же, чем оказывается театральным королем по сравнению с настоящим. Метродор, первый ученик Эпикура, так начинает одну из своих глав: «То, что находится внутри нас, более влияет на наше счастье, чем то, что вытекает из вещей внешнего мира». Действительно, вполне бесспорно, что для блага индивидуума, даже больше — для его бытия, самым существенным является то, что в нем самом заключается или происходит. Только этим и обуславливается его чувство удовлетворения или неудовольствия, — являющееся ближайшим образом результатом ощущений, желаний и мыслей; все, лежащее вне этой области, имеет лишь косвенное влияние на человека. Потому-то одни и те же внешние события влияют на каждого совершенно различно; на-

ходясь в одинаковых обстоятельствах, люди все же живут в разных мирах. Непосредственно человек имеет дело лишь со своими собственными представлениями, ощущениями и движениями воли; явления внешнего мира влияют на него лишь постольку, поскольку ими вызываются явления во внутреннем мире. Мир, в котором живет человек, зависит прежде всего от того, как его данный человек понимает, а следовательно, от свойств его мозга: сообразно с последним мир оказывается то бедным, скучным и пошлым, то наоборот, богатым, полным интереса и величия. Обыкновенно завидуют тем, кому в жизни удавалось сталкиваться к интересными событиями; в таких случаях скорее стоит завидовать той способности к восприятию, которая придает событию тот интерес, то значение, какое оно имеет на взгляд рассказчика; одно и то же происшествие, представляющееся умному человеку глубоко интересным, превратилось бы, будучи воспринято пустынским пошляком, в скучнейшую сцену из плоской обыденщины. Особенно ясно это сказывается в некоторых стихотворениях Гёте и Байрона, описывающих, по-видимому, действительно случившиеся происшествия: недалекий читатель склонен в таких случаях завидовать поэту

в том, что на его долю выпало это происшествие, вместо того, чтобы завидовать его могучему воображению, превратившему какое-нибудь повседневное событие в нечто великое и красивое. Меланхолик примет за трагедию то, в чем сангвиник увидит лишь интересный инцидент, а флегматик — нечто, не заслуживающее внимания. Происходит это оттого, что действительность, т. е. всякий осуществившийся факт, состоит из двух половин: из субъективной и объективной, столь же необходимо и тесно связанных между собою, как водород и кислород в воде. При тождественных объективных и разных субъективных данных или наоборот, получатся две глубоко различные действительности: превосходящие объективные данные при тупой, скверной субъективной половине создадут в результате очень плохую действительность, подобно красивой местности, наблюдаемой в дурную погоду или через скверное стекло. Проще говоря, человек так же не может вылезти из своего сознания, как из своей шкуры, и непосредственно живет только в нем; потому-то так трудно помочь ему извне. На сцене один играет князя, другой — придворного, третий — слугу, солдата или генерала и т. п. Но эти различия суть чисто внешние, истинная же,

внутренняя подкладка у всех участников одна и та же: бедный актер с его горем и нуждою. Так и в жизни. Различие в богатстве, в чине отводят каждому особую роль, но отнюдь не ею обуславливается распределение внутреннего счастья и довольства: и здесь в каждом таится один и тот же жалкий бедняк, подавленный заботами и горем, которое, правда, разнообразится в зависимости от субъекта, но в истинном своем существе остается неизменным; если и существует разница в степени, то она ни в коей мере не зависит от положения или богатства субъекта, т. е. от характера его роли.

Так как все существующее и происходящее существует и происходит непосредственно лишь в сознании человека, то, очевидно, свойства этого сознания существеннее всего и играют более важную роль, чем отражающиеся в нем образы. Все наслаждения и роскошь, воспринятые туманным сознанием глупца, окажутся жалкими по сравнению с сознанием Сервантеса, пишущего в тесной тюрьме своего Дон-Кихота.

Объективная половина действительности находится в руках судьбы, и потому изменчива; субъективное данное — это мы сами; в главных чертах оно неизменно. Вот почему жизнь каждого носит, несмотря на внешние перемены, с начала до конца один и тот же характер; ее можно сравнить с рядом вариаций на одну и ту же тему. Никто не может сбросить с себя свою индивидуальность. В какие условия ни поставить животное, оно всегда останется заключенным в том тесном круге, какой навеки очерчен для него природой, — почему, например, наше стремление осчастливить любимое животное может осуществиться вследствие этих границ его существования и сознания лишь в очень узких рамках. Так же и человек: его индивидуальность заранее определяет меру возможного для него счастья.